

А.В.Марков

ФИГУРА «ДВОЙНОГО ОСНОВАНИЯ ДЛЯ СРАВНЕНИЯ» И НОВГОРОДСКО-ПСКОВСКИЙ ТЕКСТ В ПОЭЗИИ В.А.НИКИТИНА

Поэзия В.А.Никитина полностью относится к религиозно-философской лирике, близкое ее чтение позволяет вскрыть и обособить не описанную в поэтиках фигуру «двойного основания для сравнения», которая представляет собой модификацию библейского параллелизма для лирического высказывания современного типа. Эта фигура представляет собой соотношение двух понятий, каждое из которых обосновывает художественную экспликацию и себя, и соседнего понятия, что позволяет перейти от описания структур повседневного опыта к убедительному изложению церковной догматики. Архитектурный интерес, сопровождавший введение этой фигуры, позволил этому поэту раскрыть специфику новгородско-псковской архитектуры.

Ключевые слова: Валентин Никитин, религиозная поэзия, городской текст, лирика как жанр, фигуры речи в лирике, неклассическая риторика, экзегеза

Валентин Арсентьевич Никитин (1947—2017) — один из интереснейших духовных писателей своего времени. Как постоянный автор «Журнала Московской Патриархии» и «Богословских трудов» 1980-х гг. он должен был создавать убедительный для неверующего большинства способ говорить о духовном. Параметры этого разговора создавались в необычном для советского человека способе говорить о рождении, смерти и бессмертии, когда всякий раз требовалось ломать структуры привычных официальных высказываний об этих вещах. Извне эта ломка кажется почти сюрреалистической образностью, и поэтическое творчество помогало этому автору употребить вполне допустимое сцепление образов, допускавшееся советскими канонами лиризма (например, сравнение живого с неживым, статичного с динамичными — унаследованное из классической риторики «противопоставлений»), и исходя из него, двигаться дальше к разговору о богословских вопросах. Если советские поэты-шестидесятники не оспаривали эту риторику, но переворачивали ее (как у Вознесенского оленя сравнивают с троллейбусами, меняются местами сравниваемое и основание сравнения), то Никитин превращает обе части сравнения в основание для сравнения.

Поэтому концепции рождения, смерти, бессмертия, вечной жизни, всегда требуют особого распределения сравнений, например: «Но души, души над цветами! / Как звезды, сеющие свет, / Как одуванчики, — витают» [1, с. 140]. Идея бессмертия души выражается образом звезды, тогда как идея продуктивности души, способной благодаря этой продуктивности остаться в вечности, выражена образом одуванчика, точнее, летучего семени одуванчика. Монументальный космологический образ оказывается рядом с самым эфемерным, но тем самым эфемерные образы, которые связывались со звездами в прежней поэтической традиции, такие как вспышка новой звезды или падение счастливой звезды, уходят на дальний план, тогда как образ семени одуванчика масштабируется, оказываясь еще более космологическим, чем обычные представления о космосе. Растительная метафора при этом приобретает не просто космический, но христологический масштаб: «Но кресты / горизонту выплетены в тернии» [1, с. 131]. Так происходит взаимное обоснование образов, раскрывающее за каждым из них свой художественный мир, космологический или христологический, и эти миры в конце концов совпадают, поскольку каждый из них и является достаточным обоснованием смысла такого высказывания.

Такие взаимно продуктивные образы, каждый из которых — основание для сравнения, становятся главным принципом поэтики Никитина, как только речь заходит о вечном или духовном. Такая фигура «двойного (взаимного) основания для сравнения не описана в традиционных поэтиках, из-за чего немногочисленные критические высказывания о поэте лишены собственного теоретического аппарата, сводя его художественные приемы к экспрессионизму, цветаевского типа постсимволизму или расшатыванию рифмы и ритма [2]. Удивительным образом, хотя В.А.Никитин был, наверное, самым продуктивным духовным поэтом и прозаиком, исследователем русской духовной культуры, автором целой серии монографий по истории Русской Церкви и большого числа статей, в настоящее время не существует ни полной библиографии его публикации, ни сколь-либо развернутой критики. Единственное исследование, в котором рассматривается его поэтика, неодобрительно указывает на постепенное вытеснение неоавангардной поэтики риторикой в его лирике, подавление поэзии риторическим элементом и на общую позицию автора, как бы стоящего в притворе храма и редко использующего библейские цитаты. Как мы увидим, если иначе понимать рабочую метафору притвора, как уже перехода от лирического самовыражения к нормативам храмового действия, то можно как бы перевернуть предложенную Б.Ф.Колымагиным перспективу и наоборот, говорить о переходе к церковной риторике и о некоторой фигуре, которая делает такой переход убедительным¹. Эту фигуру мы находим в самых разных стихах поэта, даже если берем только репрезентативные подборки, не имея на настоящий момент возможности создать собрание поэтических сочинений В.А.Никитина для корпусного анализа.

¹ Колымагин Б.Ф. Русская религиозная поэзия 1960—1980-х гг. Дисс... к.ф.н. М., 2018. 296 с.

Например, о похоронах и будущем воскресении в телах говорится: «на лике мертвеца / огнецветная пыльца, / хоть незримы для землян / одуванчики семян» [1, с. 145]. Опять семена одуванчиков как символ творческой воли Божией оказываются рассеяны по всему космосу, и становятся умопостигаемы, как умопостигаем духовный мир Нового Завета. Тогда очевидно, что эти семена можно отождествить и с символами спасения: крестом, якорем, вознесением, что мы и видели в только что приведенном сравнении игл тернового венца, креста и растений до горизонта. Тогда семена, достигающие небесного горизонта, и оказываются таким знаменем воскресения. Но и огнецветная пыльца, вспыхивающая пламенем, тоже оказывается цепкой, ведь пыльца должна опылять, и при этом как пламя и свечение может неограниченно распространяться.

Пример другого такого сцепления двух оснований для сравнения мы находим в одном из описаний похорон на снежном кладбище: «Уже не хлопья — бабочки летят / То мысли мертвых, тонкие, как ладан» [1, с. 132]. Снег сравнивается с бабочками на основании того, что смерть и жизнь начинают пониматься не только как скорбные, но как целесообразные, ведущие к воскресению. Но тут же мысли мертвых сравниваются с ладаном, они поднимаются вверх, они благодарны, они и образуют горизонт переживания снега как бабочек, телеологический горизонт, тогда как снежинки-бабочки оказываются тоже основанием для того, чтобы понять внутреннее движение мысли как ассоциативное и при этом целесообразное, не сводящееся к сложению ассоциаций. Так хлопья оказываются основанием для сравнения по параметру тонкость и неуловимость, так что мы можем думать о мысли, а мысль становится основанием для сравнения по параметру воздушность, так что мы думаем о ладане и о воле Бога. Такую фигуру можно назвать «двуосновательность сравнения», и рассматривать ее как некоторое соответствие библейскому «параллелизму» [3], пропущенному через типологическую аллегорезу [4], для поэзии индивидуального лирического переживания.

Другой пример также иллюстративен для новооткрытой фигуры [5, с. 43]:

уходит жизнь и гаснет как камин
как бронза что тускнеет на часах

Жизнь является основанием для сравнения камин и бронзы по принципу отблесков, и тогда жизнь оказывается только отблеском переживания будущего века. Но и часы оказываются основанием сравнения жизни и быта как подвластных времени, так что мы понимаем, что забвение вещей и физиологическое угасание связаны, а значит, если есть незабвенность каких-то духовных реальностей, то есть и вечная жизнь. Так двойная сентиментальность, когда всё гаснет, тускнеет и одновременно пропадает из виду, оказывается двойным основанием не просто для метафизической догадки, но для христианского догматического утверждения.

Также в поэзии Никитина, там где невозможно установить эту корреляцию двух оснований для сравнения, очень часто происходит интериоризация образов Нового Завета, которые не став таким сдвоенным основанием, просто усиливают внутреннее переживание. Например, Звезда Вифлеема отождествляется не с указанием места Рождества для волхвов, а с горением свечи в душе [1, с. 138], с исповеданием веры, в том числе в Рождество. Солнце оказывается не основой для сравнений, Солнце Правды, а «божественный нимб / над бездной» [1, с. 139], иначе говоря, частное явление святости, а лампы, которые видит смертельно больной в больнице, это «летающие колокола» [1, с. 136], иначе говоря, поминальный и призывающий звон, как он слышится больному, но не место прощания. Всё это оказывается не частью излагаемой истории, но необходимым внутренним переживанием, после которого можно дальше говорить о метафизическом опыте.

Примерно в одно время со «Стихами для медитации» и стихами сборника «Сумерки смертного дня» В.А.Никитин написал большой историко-культурный трактат «Слава и щит Руси», посвященный значению Великого Новгорода в истории русской культуры. В этом трактате Никитин выдвигает следующие тезисы при рассмотрении новгородской архитектуры:

а) освоение огромных пространств требовало некоторой органической архитектуры, в которой математический расчет сочетался с пронизательным усвоением биологических закономерностей, в частности, с мультипликацией, а не простым проективным применением золотого сечения;

б) в архитектуре использовались прогрессии, но эти прогрессии имели трехчастное мерило, соответствующее трехчастности человеческого тела, голова-туловище-ноги, и тем самым архитектура оказывалась не только прочной, но и убедительной на вид;

в) все пропорции могли быть созданы с помощью простого мерил, модуля, который в умелых руках и использовался так, что можно было строить большие объемы, способные выдерживать необходимое напряжение тяжести, иначе говоря, понимать, каким пропорциям соответствует не только воспроизведение первоначального проекта, но и распределение тяжести [6, с. 271].

Все эти тезисы находят свое основание не столько в работах исследователей архитектуры, на которые ссылается В.А.Никитин, сколько в его же поэзии, например, третий тезис напоминает зимний крещенский пейзаж, в котором Святой Дух отождествляется с таким мерил, выдерживающим всю тяжесть мироздания: «Голубь сходящий — пунктир и отвес» [1, с. 131]. При этом прогрессия и мультипликация здесь как бы останавливаются, застывают в форме, в этом же стихотворении «Ангел с крыльями заиндевевшими» напоминает и надгробный памятник в стиле модерн, и общий облик новгородских храмов, которые должны были сохранять тепло даже в стужу, начиная промерзать снаружи. Равно как и образ перемалывающего времени, выраженный в

одном из стихотворений двойным каламбуром перст — пест — пестик [1, с. 134] как раз напоминает связь привычного человеческого тела, биологической органики и одного из самых незамысловатых инструментов.

Наиболее интересны оказываются два стихотворения, одно из которых [1, с. 133-134] изображает исихаста, причем в отличие от обычных пустынников, вспоминающего о своих родных. Этот исихаст в первой строфе как раз начинает прозревать будущее как зреющий бутон, который тем самым означает и некую мультиплицируемую форму, и ту органику и пластику гадательного воска, которая только и позволяет освоить большие пространства будущего, неизвестность судеб своих и своих родных:

Живу, — Бог милует пока.
Родные живы, — слава Богу!
Гляжу вперед как будто в воду
И вижу: зреет глубина...
Воск на поверхности — бутоном.

Далее оказывается, что прогрессия трехъярусная, как и новгородская архитектура, уходящая в купол, а голубь, который в другом стихотворении и отождествлен с архитектурным отвесом, здесь довершает пластическое впечатление от заснеженного храма:

Как люстры, сферы надо мной.
Горят три яруса — и выше!
И снег как будто голубой
Летит, как голубь почтовой,
Но голубь белый, голубь свыше.

Наконец, в последней строфе утверждается, что рама мира, некоторая ясная архитектоника, оказывается лишь частью и реализации духовного проекта, замысла Бога о человеке, и такого распределения тяжести, зыбкого сумрака, которое и позволяет расслышать малейшие модуляции молитвы, малейшие движения световых волн:

Окно в окне: душа и прах!
А рама мира — сумрак зыбкий.
Но глас Господень на водах
Я слышу в тихий час молитвы.
И брезжит свет в иных мирах...

В этом стихотворении реализована на разных уровнях фигура «двойного основания для сравнения». Так, например, в последней строфе зрение как свойство духовных существ оказывается взято в раму, иначе говоря, в необходимость совершить подвиг в этом мире, тогда как рама оказывается рамой окна в духовную реальность и рамой мира сего, иначе говоря, тем моментом перехода, который только и доступен духовным существам, а не телесным, слишком привязанным к обстоятельствам своего существования. Но также такой переход может быть отождествлен с входом в храм, с той поэтикой притвора, о которой говорил Б.Ф.Колымагин. Также и во второй строфе купол и своды храма отождествляются с паникадилами, люстрами, светлым звездным небом, гармонией сфер, тем самым с неким светлым замыслом Бога о мироздании, но также и сферы как расположенные ярусами оказываются основанием для того, что любое сообщение передается от яруса к ярусу, резонирует, и перед нами не просто музыка сфер, а резонанс и передача, что соответствует уже не пифагорейскому мифу, а истории быстрого распространения христианской проповеди. Но это опять же и картина храма как места проповеди, а не только гармонии искусств, которая нужна, но как предпосылка этого исторического события проповеди. Это, конечно, отвечает новгородскому духу, где Святая София была и местом проповеди, и местом принятия тех официальных и дипломатических решений, которые расширяли территорию страны. Наконец, в первой строфе мы тоже видим, что глядение в воду — единственное основание для обретения пророчествами какой-то ясной формы, но именно созревающие исторические события и делают эти пророчества прозрачными, иначе говоря, история обретает свой смысл.

Другое такое стихотворение [6, с. 43] посвящено уже судьбе Пскова:

Псков оскроплен — молчат колокола —
пасхальные поблекшие яички
великая течет отхлопотав
и берега едва-едва колышет

но серое соборов серебро
цветною аппликацией заката
расцвечено так празднично светло
как никогда — как некогда — когда-то

и та же Русь — сияние полей
льняные лица взгляд полунезрячий
но грудь ей не распахивай — на ней
нательный крест увидишь ли как раньше?

В этом стихотворении сравнение сброшенных в годы официального атеизма колоколов с разбитыми пасхальными яйцами (заметим преобладающее множественное число в этом стихотворении, указывающее на множественность страстей) указывает на продолжающуюся историю церкви, но связь бесплодия, оскотления, с выцветанием яичек сразу вводит образ города-трупа. Но во второй строфе уже появляется другая перспектива: закат сравнивается с аппликацией, иначе говоря, с будущим соединением исторически распавшегося, тогда как праздник, преодолевающий время, оказывается искуплением былой вины, на что и указывает слово «серебро» как некоторая ценность, в том числе археологическая. Наконец, в последней строфе этого скорбного стихотворения поле отождествляется с пахотой и пытками, тогда как образ груди вызывает образ нательного креста, а значит, несения креста, особое переживание верующими исторических испытаний. Тем самым, оказывается, что в новгородско-псковском тексте В.А.Никитина Новгороду принадлежит честь освоения математической интуиции в освоении пространств, новых земель и храмовых молитвенных структур, которая благодаря «двойному основанию для сравнения» переходит в мистическую интуицию, тогда как Псков оказывается местом исторической жертвенности.

Исследование позволяет сделать следующие выводы. Пример очень плодотворного, при этом совершенно не оцененного критикой творчества В.А.Никитина, поэтического, прозаического и богословского, показывает, что возможен переход от тех принципов лирического высказывания и исторического описания, которые выработались в новой культуре, к воспринятой на новом уровне типологической аллегории, связывающей драматизм библейской истории и храмового действия с догматами спасения. При этом основой такого нового параллелизма будет не сама по себе библейская чудесная образность и гимническая интонация, как в византийской богослужебной поэзии, но особая фигура, не описанная поэтиками, фигура «двойного основания для сравнения», которая и позволяет убедительно перейти от наблюдения над свойствами вещей и их следствиями к пониманию вещей как знамений для духовных явлений. Рассмотрев работу этой фигуры, мы смогли, сравнив научную прозу В.А.Никитина о Великом Новгороде и его поэзию, уточнить параметры новгородско-псковского текста как текста о Страстях (Псков) и Воскресении (Новгород), как некоторой большой мистерии, разыгранной в географической реальности и необычной храмовой архитектурной организации региона. Тончайшие наблюдения над спецификой новгородской средневековой архитектурой оказываются укоренены в «двойном основании для сравнения», благодаря чему автор по-новому концептуализировал роль новгородских земель в истории Руси, увидев не только политико-экономические, но и духовные успехи Великого Новгорода как синтетического целого, а также превратил рассмотрение новгородского типа храмового синтеза искусств в основу поэтического разговора и об исихазме, и о символической значимости христианской догматики Рождества и Воскресения.

1. Никитин В.А. Стихи для медитаций // Вестник РХД. 1986. № 3(146). С. 127-148.
2. Ильинский О. Стихи Валентина Никитина // Русское Возрождение. 1991. Т. 54. С. 50-52.
3. Десницкий А.С. Поэтика библейского параллелизма. М.: Библейско-богословский институт св. Апостола Андрея, 2007. 554 с.
4. Нестерова О.Е. Allegoria pro typologia. Ориген и судьба иносказательных методов интерпретации Священного Писания в раннепатристическую эпоху. М.: ИМЛИ РАН, 2006. 298 с.
5. Никитин В.А. Сумерки смертного дня. Париж: YMCA-Press, 1990. 64 с.
6. Никитин В.А. Слава и щит Руси [часть 2] // Богословские труды. 1985. Т. 26. С. 269-278.

References

1. Nikitin V.A. Stikhi dlia meditatsii [Poems for meditation]. Vestnik RKhD, 1986, no. 3(146), pp. 127-148.
2. Il'inskii O. Stikhi Valentina Nikitina [Poems by Valentin Nikitin]. Russkoe Vozrozhdenie, 1991, vol. 54. pp. 50-52.
3. Desnitskii A.S. Poetika bibleiskogo parallelizma [Poetics of Bible parallelism]. Moscow, Bibleisko-bogoslovskii institut sv. Apostola Andreia Publ., 2007. 554 p.
4. Nesterova O.E. Allegoria pro typologia. Origen i sud'ba inoskazatel'nykh metodov interpretatsii Sviashchennogo Pisaniia v rannepatristicheskuu epokhu [Allegory for typology. Origenes and progress of allegorical exegesis of the Scripture in early Nicean era]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2006. 298 p.
5. Nikitin V.A. Sumerki smertnogo dnia [Twilight of a mortal day: a collection of poems]. Paris, YMCA-Press Publ., 1990. 64 p.
6. Nikitin V.A. Slava i shchit Rusi [Glory and Shield of Rus, on Novgorod, part 2]. Bogoslovskie trudy, 1985, vol. 26, pp. 269-278.

Markov A.V. The figure of the 'double grounds for comparison' and the Novgorod-Pskov text in the poetry of V.A.Nikitin. Poetry by Valentin Nikitin is completely relevant to religious and philosophical lyrical poetry, and close reading of it allows to find and describe the figure of the "double grounds for comparison" not considered in traditional poetics, which is understood as modification of biblical parallelism for modern type lyrical expression. This figure is a kind of correlation of two concepts, each of which justifies the further explication of both itself and the neighbouring concept, which allows to move from a description of the structures of everyday experience to a convincing presentation of church dogma. The architectural interest that accompanied the introduction of this figure allowed this poet to explain specifics of Novgorod-Pskov architecture.

Keywords: Valentin Nikitin, religious poetry, urban text, lyrics as a genre, figures of speech in lyrics, non-classical rhetoric, exegesis.

Сведения об авторе. Александр Викторович Марков — доктор филол. наук, профессор, ФГБОУ ВО Российский государственный гуманитарный университет; ORCID: 0000-0001-6874-1073; markovius@gmail.com.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.02.2020. Принята к публикации 25.02.2020.